

PHILOLOGIA NOVA:

ЛИНГВИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сборник статей молодых исследователей

Киров
2013

УДК 80(08)
ББК 81.0 + 83.0
P57

Редакционная коллегия:

М. В. Сандакова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный гуманитарный университет;

Д. Н. Черниговский, доктор филологических наук, доцент, Вятский государственный гуманитарный университет;

О. В. Редькина, кандидат филологических наук, Вятский государственный гуманитарный университет

P57 *Philologia nova*: лингвистика и литературоведение: сборник статей молодых исследователей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – 175 с.

ISBN 978-5-456-00109-2

В сборник вошли статьи молодых исследователей-филологов из разных вузов России, посвященные актуальным вопросам лингвистики и литературоведения.

УДК 80(08)
ББК 81.0 + 83.0

ISBN 978-5-456-00109-2

© НРГ «Университет-Плюс», 2013

Р. Ф. Абдуллаев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград)

Экспликативные ситуативной модальности как средство выражения гендерной специфики персонажей (на материале рассказа А. П. Чехова «Ариадна»)

Статья посвящена изучению гендерных маркеров в языке. Автором впервые предпринимается попытка рассмотрения и объяснения гендерной обусловленности реализации модальных значений.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, ситуативная модальность.

Как известно, принцип «человек в языке» является общим для антропологической парадигмы многих лингвистических исследований. В рамках данного принципа невозможно обойти понятия «мужественности» и «женственности» как основных характеристик гендерной идентичности. [6, с. 90]. Гендер – это совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [8, с. 3]. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Исследованием манифестации гендера в языке занимается гендерная лингвистика. Изучение гендера в языкознании представляет собой рассмотрение двух проблем:

1) речевое и коммуникативное поведение мужчин и женщин; обусловленная гендерной принадлежностью коммуникативная стратегия выбора речевых средств;

2) отражение пола в языке; процесс конструирования гендерной идентичности в языке, исследование средств языка: номинативной системы, лексики, синтаксиса, языковых категорий, в том числе и модальной [9, с. 2].

В плане вышесказанного безусловно актуальным представляется обращение к одной из ключевых семантических категорий, реализующих связь между языком и внеязыковой действительностью и определяющих коммуникативный потенциал высказывания, – к семантической категории модальности, в основе не ослабевающего интереса к которой лежит, по справедливому мнению Зинаиды Яковлевны Тураевой, рассмотрение языка как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена [12, с. 105].

В данной статье представлены результаты функционально-семантического анализа средств выражения значений ситуативной модальности в речи главных героев рассказа А. П. Чехова «Ариадна», написанного в 1895 году, в то время, когда женский вопрос был обсуждаемым и актуальным в русском обществе. Данное произведение относится к позднему периоду творчества писателя, когда он пришел к выводу о равенстве мужчин и женщин, о чем писал другу А. С. Суворину: «Я не люблю, когда реалисты-романисты клеветают на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимают за плечи... И стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавец, а женщина ангел. И женщина, и мужчина пятак пара, только мужчина умнее и справедливее... Справедливость, кажется, им вообще не свойственна» [13, т. 3, с. 103–106].

Необходимо отметить, что главной темой произведений последнего периода творчества писателя явилась проблема личного счастья. Эта проблема для него не существует изолированно, она неотделима от социально-нравственных проблем, поэтому столь драматичен конфликт героев между желанием счастья и возможностью достичь его. В каждом конкретном случае Чехов с ювелирным мастерством вычерчивает психологическую линию динамики этого конфликта, чему в значительной степени способствует регулярное использование им экспликаторов ситуативной модальности со значениями желательности, возможности и долженствования.

Действие рассказа «Ариадна» происходит на палубе парохода, где главный герой, Шамохин, рассказывает о своих отношениях с легкомысленной женщиной – Ариадной, которая ведет праздный образ жизни, ее мир пуст. Внутреннее опустошение обусловило бесконечные желания, стремления, вожделения и жажду героини – женщины, которая все время что-то *хочет*: нравиться людям, стать титулованной особой, казаться богатой и т. д. При помощи собственно модальных модификаторов *хотеть*, *хотелось*, *желать*, фиксирующих повышенную психологичность желания героя, глубину его эмоциональных переживаний, а также модальных глагольно-именных сочетаний с повышенной экспрессивной тональностью, выражающих модальное значение желательности, автор создает образ необузданной красивой женщины. Ср.: «Я *хочу*, чтобы вы были тут. Вы такой чистый!»; «Перед сном Ариадна объявляла, что она *хочет есть*, и требовала ветчины и яиц всмятку» [14, т. VI, с. 75]; «Ей *хотелось казаться* очень богатой помещицей, и, право, это ей удавалось» [14, т. VI, с. 73]; «Ариадна *старалась влюбиться*, делала вид, что любит, и даже клялась мне в любви» [14, т. VI, с. 62]; «Ариадна, как и прежде, не любила меня. Но ей *хотелось любить* серьезно» [14, т. VI, с. 72].

Не менее насыщена экспликаторами модальных значений и речь Шамохина, которого что-то удерживает с Ариадной. Динамика внутреннего психологического конфликта отчетливо продемонстрирована сочетанием сразу двух видов модального значения: желательности и возможности, выраженных собственно модальным глаголом *мочь* и экспликаторами значения

желательности – глаголами *хотеть, хотелось*, в том числе имплицитно выраженное противостояние значений – «*хотел, но не смог*». Ср.: «В ту зиму, когда я вернулся из-за границы, вечера были длинные-длинные, я сильно *тосковал* и от тоски *не мог даже читать*»; «Я *рассчитывал увезти* ее в деревню, но мне это *не удалось*» [14, т. VI, с. 79]; «Мне *хочется думать*, что борющийся с природой человеческий гений боролся и с физической любовью, как с врагом, и что если он и не победил ее, то все же *удалось* ему *опутать* ее сетью иллюзий братства и любви» [14, т. VI, с. 70]; «Сидеть в комнате Ариадны, перебирать клавиши ее пианино, смотреть в ее ноты, – для князя *было уже потребностью*, он *не мог жить* без этого» [14, т. VI, с. 78]. По всей видимости, глубокая внутренняя связь между героем и героиней держит их вместе, а не любовь. Шамохин является двойником Ариадны, которая упрекает его в отсутствии мужественности при помощи экспликаторов значения долженствования, которые здесь несут важную оценочную функцию. Ср.: «В самом деле, вы не мужчина, а какая-то, прости господи, размазня. Мужчина *должен увлекаться, безумствовать, делать ошибки, страдать!*» [14, т. VI, с. 68]; «Только, пожалуйста, купите себе другую шляпу. Аббатия не деревня. Тут *надо быть комильфо*» [14, т. VI, с. 73].

Ариадна деградирует, она хочет только получать и готова заложить имущество, чтобы пожить за границей, достичь своих амбиций. Она меняет образ жизни Шамохина, он тратит всю пенсию отца, просит заложить имение и начинает деградировать вместе со своей любовницей. Эта отсталость интеллигентной женщины угрожает культуре серьезной опасностью; в своем регрессивном движении она старается увлечь за собой мужчину и задерживает его движение вперед. Таким образом, герой уподобляется ей, и у него нет ничего, кроме желаний. Подтверждением этому служит изобилие лексических экспликаторов желательности. Ср.: «После этого разговора я не спал всю ночь, *хотел застрелиться*» [14, т. VI, с. 70]; «Было грустно, но уже по-весеннему: *хотелось мириться* с потерей» [14, т. VI, с. 78]; «Мы, мужчины, хлопочем насчет их свободы, но они вовсе *не хотят* этой свободы и только делают вид, что *хотят*. Ужасно хитрые, страшно хитрые!» [14, т. VI, с. 83]. Таким образом, наблюдаем явное соотношение между мужчиной и женщиной.

Весьма ярко выражено различие модальных средств со значением долженствования в репликах персонажей обоих полов. Исследуя экспликативные ситуативной модальности, мы приходим к мысли, что план содержания в речи мужчин гораздо шире, чем у женщин. Если в речи персонажей мужского пола грамматическое значение совпадает с лексическим, то в женской наоборот. Эти выводы подтверждаются материалом нашего исследования, в котором мы изучали коммуникативно-прагматическое содержание образа главных героев. Так, в речи Лубкова, предыдущего любовника Ариадны, модальное значение долженствования коррелирует с биологической закономерностью. Например: «Вы сами видите, она уже в таком возрасте, когда ей уже *нужен* муж или любовник» [14, т. VI, с. 68], на что Шамохин ему отве-

чает, ссылаясь на те же «законы природы»: «Пусть Ариадна Григорьевна, как вы говорите, поэтична и возвышенна, но это не значит, что она *должна быть вне законов природы*» [14, т. VI, с. 68]. Чехов не дает оценки позиции героев, но самоуверенная категоричность высказываний Шамохина, создаваемая активным использованием в его речи слов с модальной семантикой, подтверждает высказывание о том, что автор высмеивает мужской эгоизм. Например: «*Нужно*, чтобы девочки воспитывались и учились вместе с мальчиками, чтобы те и другие были всегда вместе. *Надо воспитывать* женщину так, чтобы она умела, подобно мужчине, сознавать свою неправоту, а то она, по ее мнению, всегда права»; «*Надо так же бросить* эту манеру ссылаться на физиологию, на беременность и роды, так как, во-первых, женщина родится каждый месяц»; «Затем *должно наступить* полнейшее равноправие в обыденной жизни» [14, т. VI, с. 84]. Данные изречения отражают мнение мужчин того времени касательно женщин. Одним из сторонников такого отношения был писатель К. А. Скальковский, который в своей теории, представленной в произведении «О женщинах, мысли старые и новые» (1886), утверждал, что женщины глупее мужчин, вследствие того, что их мозг весит меньше мужчин. «Ариадна» является ироническим ответом Чехова Скальковскому: «Внушайте девочке с пеленок, что мужчина прежде всего не кавалер и не жених, а ее ближний, равный ей во всем. Приучайте ее логически мыслить, обобщать и не уверяйте ее, что ее мозг весит меньше мужского и что поэтому она *может быть* равнодушна к наукам, искусствам, вообще культурным задачам» [14, (Шамохин), т. VI, с. 83].

Гендерные особенности проявляются и в способах реализации модальных значений. В репликах героини выявлено употребление предикативных наречий *должен, надо*, выражающих значение желательности, в то время как они являются экспликаторами модального значения долженствования. Ср.: «Я сказала, чтоб он *не смел возвращаться*» [14, т. VI, с. 79]. «Они *не должны знать*, что я без спутников» [14, т. VI, с. 74], т. е. героиня *не хочет*, чтобы окружающие знали, что она одна. «Только, пожалуйста, купите себе другую шляпу. Аббация не деревня. Тут *надо быть комильфо*» [14, т. VI, с. 73] – непосредственное волеизъявление Ариадны. Модальность долженствования в речи Лубкова и Шамохина выражает обязанность, чувство долга, исполнительность и прочие маскулинные атрибуты, свойственные мужскому характеру. «Здесь не заграница, а Россия матушка, *приходится подумать* о законном браке. Конечно, увлечение уже прошло, любви прежней нет и в помине, но, как бы ни было, я *обязан* на ней *жениться*» [14, т. VI, с. 82]; «Природа тут, *должен я вам сказать*, удивительная» [14, т. VI, с. 62]; «Но с какой стати она *должна быть* откровенна со мной?» [14, т. VI, с. 77]; «Верите ли, у меня осталось только 8 франков, между тем, я *должен послать* жене сто и матери столько же. Да и здесь *надо жить*» [14, т. VI, с. 75]. Реализация значения долженствования в речи персонажей мужского пола может служить определенным подтверждением того, что «мужчины более справедливы, чем женщины» – высказывание А. П. Чехова в ранее упомянутом письме. Весьма

примечательно, что в речи Ариадны есть свойственная женщинам неуверенность, которая тоже выражена экспликаторами модального значения долженствования. Ср.: «С вами так страшно. Я думаю, вы *должны видеть* людей насквозь» [14, т. VI, с. 80].

Результаты функционально-семантического анализа речи персонажей-мужчин выявили изобилие собственно модального глагола *мочь* – лексических экспликаторов, выражающих модальное значение возможности. Очевидно проявление эгоцентризма, ведь именно для мужчины важно достигнуть, суметь, смочь – как подтверждение его успешности. Например, в речи Лубкова: «Удивляюсь, сударь, как вы *можете жить* без романа!» [14, (Лубков), т. VI, с. 68]; «Настоящее *не может быть* полным и счастливым, когда есть прошлое» [14, (Лубков), т. VI, с. 75]; «Теперь она *может жить* только в курортах» [14, (Шамохин), т. VI, с. 82], «Я дал ему, и он тотчас же оживился и стал смеяться над своим дядей, чудачком, который *не мог сохранить* в тайне от жены его адреса» [14, (Шамохин), т. VI, с. 76]; «Она покорила меня в первый же день знакомства – и *не могло быть* иначе» [14, (Шамохин), т. VI, с. 64]; «Русский актер *не умеет шалить*, он в водевиле играет глубокомысленно...» [14, (Шамохин), т. VI, с. 61]; «В городах все воспитание и образование женщины в своей главной сущности сводятся к тому, чтобы выработать из нее человека-зверя, т. е. чтобы она нравилась самцу и чтобы *умела победить* этого самца» [14, (Шамохин), т. VI, с. 83].

Таким образом, было выявлено, что структурирование гендерной идентичности в языке тесно связано с использованием лексических средств, выражающих модальное значение необходимости, желательности и возможности. Взаимосвязь категории модальности, изучение которой представляет особую сложность, и гендерных исследований, вызывающих неоднозначность среди лингвистов в силу многочисленных языковых и экстралингвистических фактов, является новой стороной исследования, требующей глубокого изучения, осмысления и понимания.

Примечания

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. М., 1990.
2. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Модальность как семантическая универсалия. Калининград, 2010. С. 42–49.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Ин-та рус. яз. М., 1950. Т. 2 (II). С. 38–79.
4. Волкова Е. П. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом. М., 2010.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1993.
7. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4.

8. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.

9. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23).

10. Прокудина О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности: на материале русской и английской диалогической речи. Кемерово, 2002.

11. Скальковский К. А. О женщинах. Мысли старые и новые. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2012.

12. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.

13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1983.

14. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1970.

15. Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi E. Hamilton. Discourse and Gender // The Handbook of Discourse Analysis. Blackwell Publishing, 2003.